

УЗБЕКИСТАН — ТУРКМЕНИСТАН: ПОЛЮС МНГОВЕКТОРНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Михаил АГАДЖАНЫН

*независимый эксперт
(Ереван, Армения)*

АННОТАЦИЯ

Восприятие Центральной Азии как целостного региона, страны которого представляют собой «однородную массу», не соответствует реальности. Регион отнюдь не монолитен: его пересекают разделительные линии, лежащие в числе прочего и в плоскости внешнеполитических предпочтений каждой из центральноазиатских республик. На примере двух из них —

Туркменистана и Узбекистана — делается попытка обозначить основные направления построения региональными акторами многовекторной внешней политики. При этом принцип многовекторности осуществляется вне зависимости от развития отношений с внешними игроками, в орбите влияния которых может находиться та или иная страна.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Узбекистан, Туркменистан, внешнеполитическая многовекторность, Центральная Азия, «афганский вопрос», проблема водных ресурсов, энергетические и транспортные проекты, Россия, США, ОДКБ, ШОС.

Введение

Взаимоотношения государств, формирующих геополитический облик Центрально-Азиатского региона, не отличаются устойчивостью. На стыке границ некоторых республик

существуют очаги *этнополитической конфликтности*. Межгосударственные различия отчетливо прослеживаются и в подходах к актуальным трансграничным вопросам, и в реализации проектов, касающихся в первую очередь гидроэнергетики и распределения водных ресурсов.

Вместе с тем центральноазиатские республики, привлекая внутренние и внешние ресурсы, сумели достичь и сохраняют определенный уровень поддержания региональной безопасности. Благодаря растущему вниманию к Центральной Азии (ЦА) со стороны внешних сил и вхождению региона в зону коллективной системы безопасности ОДКБ и стабилизирующего влияния ШОС непростые отношения, сложившиеся между некоторыми региональными акторами, не переросли в вооруженные конфликты.

Стабилизация региональных процессов существенно зависит от политических линий Узбекистана и Туркменистана, которые условно можно отнести к числу «неприсоединившихся»: Узбекистан, в очередной раз приостановивший свое членство в ОДКБ, и традиционно нейтральный Туркменистан формируют своеобразный центральноазиатский полюс. Отношения Ташкента и Ашхабада с имеющими геополитический интерес к ЦА внешними силами выступают одним из индикаторов региональной стабильности.

Внешняя политика этих двух стран в наибольшей степени характеризуется многовекторностью и равномерным распределением приоритетов. Обе республики задают тон динамике реализации *комплементарного внешнеполитического курса* региона.

Тесно связанное с актуальными региональными вопросами направление кооперации между Ашхабадом и Ташкентом позволяет составить более глубокое представление о мотивации и стимулах, обуславливающих многовекторность внешнеполитического курса центральноазиатских государств.

Афганистан заставляет поддерживать внешнеполитический тонус

В вопросах поддержания безопасности Туркменистан и Узбекистан активизировали двустороннюю координацию и намерены получить максимальную отдачу от своих связей с вне-региональными силами. В данном случае основной мотивацией послужил предстоящий вывод из Афганистана войск международной коалиции, который может породить определенные сложности на южных границах двух республик. За последние месяцы внешнеполитические контакты туркменской и узбекской администраций значительно углубились, что во многом связано с попытками дать упреждающий отпор грядущей афганской угрозе.

Что касается отношений этих двух республик с Россией, то хотелось бы остановиться на их основных эпизодах.

По итогам визита президента России В. Путина в Узбекистан 4 июня 2012 года была подписана Декларация об углублении стратегического партнерства между двумя странами. Через месяц после этого события появились сообщения о получении главой России приглашения посетить Ашхабад в любое удобное для него время.

График зарубежных визитов российского президента в ЦА был выдержан в традиционных тонах приоритетного внимания странам — участницам ОДКБ и ЕврАзЭС. В. Путин посетил сначала Казахстан и Кыргызстан, а затем — Таджикистан. В завершение ряда встреч с центральноазиатскими лидерами Путин принял в Москве президента Казахстана.

5 декабря 2012 года состоялся визит В. Путина в Туркменистан, но он носил рабочий характер и был приурочен к саммиту СНГ в Ашхабаде. В конце июня 2013 года туркменская сторона повторила сделанное ранее приглашение главе России посетить республику.

14—15 апреля 2013 года Москву с официальным визитом посетил президент Узбекистана И. Каримов. Как представляется, основной целью его миссии являлось выражение растущей обеспокоенности Узбекистана возможными последствиями предстоящего вывода из Афганистана коалиционных сил.

И. Каримов не просто поставил российскую сторону (а также и других своих внешнеполитических партнеров) в известность об усиливающихся опасениях, связанных с потенциальным нарастанием афганской угрозы, а буквально «пробил в набат». Его алармистские заявления сводились к констатации «ползучей» экспансии и проецирования исламского радикализма в ЦА; развитие ситуации в Афганистане И. Каримов охарактеризовал как непредсказуемое и говорил о вероятности возникновения в этой стране нового витка гражданской войны.

В ходе визита в Москву президент приостановившего свое членство в ОДКБ Узбекистана высказался «за расширение и углубление тесного сотрудничества с Россией в рамках ООН, ШОС, СНГ и других авторитетных международных организаций». Таким образом, налицо возвращение узбекской стороны в орбиту тревожного ожидания дестабилизации в ЦА, остро ту которой, по версии властей республики, будут задавать просачивающиеся из Афганистана радикальные исламские группировки.

В ходе визита министра иностранных дел России С. Лаврова в Ашхабад 4 апреля 2013 года была подписана Программа сотрудничества между внешнеполитическими ведомствами двух стран на 2013 год. Документ, в частности, впервые предусматривает регулярный межминистерский обмен мнениями о ситуации в ЦА и Афганистане.

Беспокойство Ашхабада и Ташкента, вызванное нестабильностью в Афганистане, имеет реальные основания. Несмотря на присутствующий в оценках некоторых местных политологов оптимизм по поводу способности эффективно противостоять потенциальным угрозам с южного направления (в первую очередь имеется в виду Узбекистан с его сильной армией), тревожные настроения в крупнейшей центральноазиатской республике нарастают.

Опасения по поводу проникновения после 2014 года в Туркменистан и Узбекистан исламского фундаментализма из Афганистана отнюдь не беспочвенны. Так, в апреле — мае 2013 года в афганской провинции Фарьяб вблизи границы с Туркменистаном талибы и боевики Исламского движения Узбекистана (ИДУ) развернули бои с местными силами правопорядка. Представители афганских властей отмечали, что «Талибан» и ИДУ нанесли удар по району, имеющему стратегическое значение; здесь расположен водный ресурс, который носит неофициальное название «Туркестанский банк воды». Он важен не только для провинции Фарьяб, но и для приграничных территорий Туркменистана и Узбекистана.

Участие представителей ИДУ в боестолкновениях дало экспертам повод предположить, что активность боевиков Движения у границ Туркменистана создаст совершенно новую ситуацию для Ашхабада и региона в целом. Согласно их версии, в афгано-туркменском приграничье под эгидой ИДУ могут сформироваться враждебные Ашхабаду группировки, активность которых после вывода войск международной коалиции примет трансграничный характер. В случае реализации такого эскалационного сценария нейтральный статус Туркменистана, скорее всего, превратится из сильного дипломатического аргумента в слабое звено реальной политики.

Бытует мнение, что проникновение фундаментализма из Афганистана после 2014 года менее всего угрожает Туркменистану. Еще при покойном президенте С. Ниязове власти республики выстроили неформальный канал доверительного общения с лидерами афганского «Талибана». Нейтральный статус республики всегда был козырем в руках ее руководства, подчеркивавшего свою равноудаленность от противостоящих друг другу в Афганистане сторон.

Между тем вероятность фрагментации Афганистана после 2014 года не может не волновать Ашхабад, который, не ожидая наступления этой даты, пытается найти новые точки опоры в лице западных партнеров. С этими поисками связано и его сближение с Ташкентом, также ощущающим исходящие из Афганистана риски.

Присутствие сил НАТО в Афганистане на определенное время притушило тревогу Ашхабада и Ташкента по поводу джихадистской угрозы. Теперь же пришло время усиленно привлекать внимание всех главных внешних сил к опасности возможной перегруппировки тех же ИДУ и Союза исламского джихада (ныне действующих в пакистано-афганском приграничье и в Афганистане) на территорию соседних центральноазиатских республик.

Ташкент сумел извлечь пользу из периода заметного спада угрозы радикального ислама в ЦА: речь идет в первую очередь о пополнении госбюджета и увеличении арсенала вооружений и военной техники. Оба указанных «дивиденда» производны от операции сил коалиции в Афганистане и связаны с наблюдающейся в последние годы значительной ориентацией Узбекистана на США и НАТО.

Вашингтонские аналитики приводят весьма интересные факты. Операция коалиционных сил в Афганистане давала четырем центральноазиатским республикам (за исключением Туркменистана) ежегодный доход от транзита в размере порядка 500 млн долл.; изменение направления этого «выгодного» вектора также сулит большие финансовые выгоды (хотя бы для того же Узбекистана). Отмечается, например, что Узбекистан может поднять тарифы на железнодорожные перевозки по «реверсному» маршруту из Афганистана на 50%¹.

В настоящее время вопрос оснащения американцами узбекских сил безопасности, правопорядка и армии нелетальной техникой и снаряжением прочно впелся в ткань отношений Вашингтона и Ташкента. В марте — апреле 2013 года официальные лица администрации США отметились заявлениями о целесообразности выделения узбекской стороне ресурсов для противостояния потенциальным угрозам с афганского направления. Белый дом уже принял решение предоставить Узбекистану аппаратуру спутниковой системы навигации, приборы ночного видения и бронежилеты, а также ввел в режим согласования по линии «президентская администрация — госдепартамент — министерство обороны — конгресс» вопрос поставки в республику беспилотников.

Активность ИДУ на южных рубежах Туркменистана и Узбекистана и вероятность просачивания на территорию этих республик других радикальных группировок будут побуждать их к кооперации в том, что касается взаимодействия силовых блоков и построения более доверительных отношений с США как главной внешней силой, действующей в Афганистане.

Эксперты вводят в прогностическое поле анализа центральноазиатских процессов понятие «афганизации» со всеми вытекающими из нее последствиями, главным из которых является масштабная дестабилизация некоторых республик региона. Среди вероятных кандидатов на «афганизацию» указывается и Узбекистан, хотя в отношении него данные предположения можно аргументированно оспорить: самая сильная в военном плане республика региона в предыдущие годы уже продемонстрировала нарабатанную способность сдерживать центробежные тенденции и нейтрализовывать экстремистские проявления.

Между тем узбекское руководство и аффилированные с властями местные эксперты не могут похвастаться успехами в противодействии внутренним угрозам. Некоторые эксперты отмечают, что «под крылом талибов «греются» организации типа ИДУ; они и будут представлять основную угрозу»².

Опираясь на тесные связи со своим прикаспийским соседом, Узбекистан усиленно ищет механизм противодействия потенциальным афганским угрозам; он может быть выработан на основе многостороннего сотрудничества региональных и внешних сил. Уместно предположить, что Ташкент стремится реанимировать свою идею пятилетней давности о создании механизма Контактной группы по Афганистану.

¹ См.: *Mankoff J.* The United States and Central Asia after 2014 // Center for Strategic and International Studies, January 2013.

² *Сайфуллин Р.* (политолог, бывший советник президента Узбекистана). Вызовы безопасности в Центральной Азии (Сборник материалов международной конференции). М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 69.

В 2008 году Ташкент предложил формат «6+3»: помимо стран, граничащих с Афганистаном (Пакистан, Иран, Китай, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан), в него предлагалось включить Россию, США и НАТО. Кураторство и координацию деятельности Контактной группы предполагалось возложить на специального представителя Генерального секретаря ООН по Афганистану.

Однако тогда отношения России с США и НАТО носили несколько иной характер, на который накладывала отпечаток военная эскалация вокруг Южной Осетии (2008 г.).

Ташкент вполне мог предположить, что в современных условиях у региональных и внешних сил появилось больше стимулов для кооперации в формате «6+3», а это, в свою очередь, позволяет начать «мозговой штурм» данной идеи и внешнеполитический зондаж ее жизнеспособности в Москве и других столицах.

Водотоки региональной напряженности и солидарности

Проблема распределения водных ресурсов в ЦА носит острый трансграничный характер; в последние годы Ташкент и Ашхабад обрели возможность скооперироваться и в этом имеющем общерегиональное значение вопросе. В данном контексте визит президента Узбекистана И. Каримова в Туркменистан, состоявшийся 1—2 октября 2012 года, можно рассматривать как этапный.

Подводя итоги визита, комментаторы единодушно констатировали, что отношения двух республик переживают подъем. Более того, было отмечено, что ныне среди центральноазиатских республик именно у Туркменистана сложились самые близкие связи с Узбекистаном. На подобные оценки повлияли и итоги обсуждения вопросов, касающихся справедливого распределения водных ресурсов.

При встрече в Ашхабаде главы двух республик сошлись на том, что реализация крупных гидропроектов в Таджикистане и Кыргызстане должна осуществляться без участия российского капитала. При этом президент Узбекистана подверг резкой критике стремление Таджикистана построить Рогунскую ГЭС в районе с сейсмичностью 9—10 баллов. Через несколько дней после этих заявлений из Ашхабада поступило известие, что РФ и Таджикистан не достигли прогресса в вопросе о российских инвестициях в достройку Рогунской ГЭС на реке Вахш.

Гидроэнергетика значительно влияет на рост конфликтного потенциала в отношениях трех республик. Так, Узбекистан выступает против строительства не только Рогунской ГЭС в Таджикистане, но и Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане. Эти гидроэнергетические споры довольно застарелые, и ждать их разрешения в ближайшие годы вряд ли стоит.

Эксперты отмечают не только отсутствие подвижек в урегулировании разногласий по вышеупомянутым гидроэнергетическим проектам, но и предвещают обострение узбекско-кыргызских и узбекско-таджикских отношений. Отмечается, что к 2014—2015 годам узбекская армия перевооружится и накопит силы, в том числе и за счет техники, которую США передадут ей после своего ухода из Афганистана. Однако даже при наличии тех сил и средств, которыми Узбекистан уже располагает на сегодняшний день, он вполне способен вести войну на два фронта; так считают, в частности, казахские политологи (например, М. Шибуттов)³.

³ См.: Мигрантские войны // Свободная пресса [<http://svpressa.ru/war21/article/70344/>], 3 июля 2013.

Как ни странно, но именно Узбекистан, являющийся наиболее населенной страной региона, несмотря на определенные трудности транспортной связи с внешним миром и не самые благоприятные климатические условия для развития сельского хозяйства, все последние годы решительным образом демонстрирует сопротивление реализации гидропроектов в соседних республиках.

Водная проблема в регионе приняла еще более конфронтационный оттенок после того, как в 2012 году Ташкент в очередной раз принял решение дистанцироваться от ОДКБ.

Особо жесткое сопротивление Ташкента вызывает строительство Рогунской ГЭС в Таджикистане. К оценке негативных для себя последствий осуществления этого проекта Узбекистан привлек специалистов из США. По их расчетам, в случае запуска Рогунской ГЭС Узбекистан будет терять ежегодно по 600 млн долл.; нехватка воды приведет к сокращению сельхозпроизводства и снижению ВВП на 2%. Уровень Амударьи летом будет сокращаться на 18%, а зимой — увеличиваться на 54%, что чревато засухами и наводнениями; под угрозой опустынивания окажутся территории в Каракалпакии, Хорезме и Бухарской области⁴.

Узбеки и туркмены солидарны в критическом отношении к возведению на трансграничных реках ЦА новых ГЭС. При этом главным аргументом является мнение, что их появление может привести к ухудшению водоснабжения государств, находящихся в низовьях рек.

Критический период, в течение которого, по прогнозам экспертов, будут обостряться отношения Узбекистана с Кыргызстаном и Таджикистаном вплоть до возможной эскалации боевых действий между ними, приходится на рубеж 2014—2015 годов, и это время приближается.

США могут продолжить сохранять сравнительно *высокий уровень поддержки* Узбекистана и после 2014 года, но в любом случае компромиссные решения следует искать с опорой на внутренние силы РУз и с приоритетным привлечением ресурсов стабилизационного влияния России и Казахстана.

Противостояние в рамках треугольника Таджикистан — Узбекистан — Кыргызстан было несколько разряжено визитами президента России в Ташкент, Бишкек и Душанбе, происходившими с начала июня до первых чисел октября 2012 года. Однако окончательно преодолеть гидроэнергетическое противостояние трех центральноазиатских государств не удалось.

Сегодня достаточно сложно предложить пути решения водных и энергетических проблем, которые устроили бы все страны региона; кроме того, Москва стремится оставить Бишкек и Душанбе в орбите своего преимущественного влияния и сохранить на конструктивном уровне свои отношения с Ташкентом.

Несомненно, к 2014—2015 годам Узбекистан при поддержке США сможет нарастить свой боевой потенциал, но реализация военного сценария для решения вышеупомянутого вопроса обернется катастрофой для ЦА и отбросит регион к началу 1990-х годов (тогда широко-масштабную военную эскалацию удалось сдержать).

Сближающий газ

Отдельное направление двусторонней кооперации Туркменистана и Узбекистана связано с поставками на внешние рынки энергоресурсов. Свое практическое воплощение оно в наибольшей степени нашло в ориентации природного газа на китайский рынок.

⁴ См.: По законам Fallout. Средней Азии предрекают войну за водные ресурсы [<http://lenta.ru/articles/2012/09/25/maybe/>], 25 сентября 2012.

После начала эксплуатации газопровода Центральная Азия — Китай (конец 2009 г.) Ашхабад и Ташкент обрели стабильный маршрут поставок природного газа на рынок КНР. При этом Туркменистан стал доминирующим внешним партнером Китая в сфере добычи и экспорта природного газа, далеко опередив Россию.

Объемы текущих поставок по газопроводу и перспектива их расширения с привлечением дополнительных энергоресурсов Туркменистана, Узбекистана и Казахстана впечатляют. Так, в 2012 году Китай закупил 21,3 млрд куб. м туркменского газа; соглашения, заключенные между двумя странами, отражают их намерения к 2016 году увеличить поставки до 65 млрд куб. м.

Узбекская сторона имеет свои планы расширения газового партнерства с Поднебесной, формирующиеся в рамках проекта «Центральная Азия — Китай». Предполагается, что ввод в строй третьей очереди газопровода позволит увеличить прокачку узбекского газа в Китай с 25 до 30 млрд куб. м.

Сегодня «Газпром» приобретает у трех республик региона (Казахстана, Туркменистана и Узбекистана) в совокупности 33 млрд куб. м газа, из которых 10 млрд куб. м приходится на Туркменистан. При этом Россия не упускает случая прямо или косвенно донести до туркменского руководства свою заинтересованность в увеличении объема закупок. К примеру, в ходе апрельского визита министра иностранных дел России С. Лаврова в Ашхабад в составе российской делегации прибыл и зампред правления «Газпрома» А. Медведев. Тогда Россия вынашивала определенные планы, связанные с возможными предварительными переговорами по расширению базы сотрудничества в газовой сфере. Ожидания России пока не оправдались, но нельзя сказать, что они бесперспективны.

Кооперация Ашхабада и Ташкента в области поставок газа на внешний рынок создает для Москвы неудобства. В случае присоединения двух республик к проектам, связанным с выходом каспийского и центральноазиатского газа на европейский рынок, будут серьезно ущемлены интересы российского «Газпрома».

Транскаспийский проект пока так и остается проектом, но жесткая позиция российской стороны по отношению к нему зачастую играет контрпродуктивную роль. В целом проект прокладки трубы через Каспий порождает много проблем, пути решения которых не так-то легко найти. Эти проблемы колеблются в довольно широком диапазоне: от продолжающихся разногласий в подходах Азербайджана и Туркменистана к разделу месторождений на шельфе Каспия до открытого противодействия Ирана любой попытке проложить трубу по дну моря без согласия всех пяти прикаспийских стран. Следует отметить, что Москва поступила вполне прагматично, убрав прессинг на Ашхабад: в предыдущие годы туркменская сторона воспринимала его крайне болезненно.

В этом контексте уместно упомянуть о визите президента Туркменистана Г. Бердымухамедова в Россию в декабре 2011 года, а точнее, об атмосфере ожиданий, сложившейся в канун этого события. Тогда в российских СМИ главная тема переговоров — судьба проекта Транскаспийского газопровода освещалась в патетических тонах. В частности, реализация проекта преподносилась в качестве разрушителя монополии России на транзит углеводородов из ЦА в Европу.

Оценивая Транскаспийский проект, эксперты чаще всего оперируют выражением «несбывшиеся надежды», особенно после известного решения консорциума разработчиков азербайджанского газового месторождения Шах-Дениз о выборе маршрута Трансадриатического трубопровода.

Туркменский газ, являющийся прямым конкурентом российскому, еще не вышел на европейский рынок, но в перспективе такая возможность не исключена. На нынешнем этапе Туркменистан и Узбекистан проявляют большую заинтересованность в расширении базы газового сотрудничества с Китаем; выход же на платежеспособный рынок Европы рассматривается ими в качестве отдаленной стратегической перспективы.

Выход к морю

Туркменистан и Узбекистан находят общий язык и в вопросе предоставления друг другу удобных транспортных выходов на соседние регионы. Транзитная функция ЦА в привязке к целям США в Афганистане дополняется собственными интересами региональных акторов получить стабильный выход на внешние рынки. Туркменистану и Узбекистану отводится ключевая роль сразу в нескольких транспортных проектах, включающих центральноазиатские наземные участки; подобная расстановка акцентов приобретает сторонников в политических центрах Запада. Последний демонстрирует свою заинтересованность в продлении железнодорожной смычки Турции, Грузии и Азербайджана (проект строительства железной дороги Карс — Ахалкалаки — Тбилиси — Баку) через Туркменбаши (Туркменистан) и Навои (Узбекистан) до северных провинций Афганистана. На встрече глав Туркменистана и Узбекистана в Ашхабаде, проходившей 1—2 октября 2012 года, было выражено одобрение проекту строительства железнодорожного пути, который свяжет восточные провинции Турции с азербайджанским побережьем Каспийского моря.

Проект транспортно-транзитного коридора между ЦА и Персидским заливом (Узбекистан — Туркменистан — Иран — Оман — Катар) с участием Узбекистана и Туркменистана, соглашение по которому было подписано 25 апреля 2011 года в Ашхабаде, также входит в круг предпочтений двух республик.

Транспортный выход этих республик на внешние рынки через территорию Ирана (Туркменистан предоставляет Узбекистану возможность транзита к портам Персидского залива через Серахс, приграничный с Ираном) встречает стойкое неодобрение США. Белый дом, выражая свое недовольство, готов спонсировать альтернативные иранским транспортные проекты, среди которых особое место занимает «Новый Шелковый путь», «взращенный» в недрах вашингтонских аналитических центров и поддержанный в свое время внешнеполитическим ведомством США.

«Новый Шелковый путь», официально являющийся проектом транспортно-логистического характера (внешнеполитические представители США говорят о нем как о «международной сети с узлами экономических и транзитных связей»), стоит рассматривать в более широком геополитическом формате. Вашингтон готов включить в него не только транспортные маршруты и соответствующую им логистическую инфраструктуру, но и другие элементы распространения геополитического влияния (в виде действующих и планируемых трубопроводов), а также трансграничные линии подачи электроэнергии. При обсуждении этого проекта американская сторона, в частности, упоминает такие региональные «сюжеты» трансграничного характера, как газопровод ТАРП (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия) и линии электропередачи из ЦА в Афганистан, Пакистан и Индию⁵.

Вашингтонские аналитики отмечают, что, несмотря на сравнительно небольшой объем торговли Ирана с центральноазиатскими республиками, последние остаются зависимыми от маршрутов через территорию этой страны с выходом к океанским портам⁶.

Заключение

США стараются воспользоваться стремлением Туркменистана и Узбекистана к развитию внешнеполитической многовекторности. Кроме того, Вашингтон вовлечен в такие актуальные

⁵ См.: *Hormats R.D.* The United States' «New Silk Road» Strategy: What is it? Where is it Headed? Address to the SAIS Central Asia-Caucasus Institute and CSIS Forum, 29 September 2011.

⁶ См.: *Shelala II R.M., Kasting N., Cordesman A.H.* US and Iranian Strategic Competition: The Impact of Afghanistan, Pakistan, India, and Central Asia // Center for Strategic and International Studies, 26 June 2013.

проблемы ЦА, как вызовы с афганского направления, распределение водных ресурсов и гидроэнергетические проекты, поставки энергоресурсов в обход российской территории, а также транспортные выходы на внешние рынки товаров и услуг.

США поддерживают те центральноазиатские проекты, которые предполагают пути в обход российской и иранской территорий. Коэффициент практической отдачи от подобной политики Вашингтона пока не высок: по некоторым проектам зафиксированы отдельные успехи, но до начала их непосредственной реализации еще очень далеко.

Так, в прошлом году продвижением «был отмечен» лоббируемый США газопровод ТАРІ: в мае Ашхабад подписал с газовыми компаниями Пакистана и Индии Соглашения о купле-продаже туркменского природного газа. 9 июля 2013 года аналогичное Соглашение было заключено между госконцерном «Туркменгаз» и Афганской газовой корпорацией. В то же время официальные заявления США о стратегической приоритетности для них ТАРІ так и остались на уровне деклараций.

Приостановление Узбекистаном членства в ОДКБ, ставшая уже традиционной его особая позиция по целому ряду экономических и политических проблем на постсоветском пространстве и развитие интеграционных процессов сближают республику с США. Данный факт подтверждается и экспертами, которые констатируют предоставление Узбекистану главной роли в планах США в отношении как собственно ЦА, так и примыкающих к ней регионов и стран.

На современном этапе наибольшую предметность данное сближение обрело в привязке к афганской политике Белого дома. В данной связи достаточно упомянуть о том, что 22 сентября 2011 года Конгресс США отменил введенные семью годами ранее ограничения на предоставление военной помощи Узбекистану.

Представители США в Ташкенте подчеркивают запуск нынешней администрацией Белого дома нового механизма развития отношений с Узбекистаном: речь идет о проведении ежегодных политических консультаций, третий раунд которых состоялся в августе 2012 года. Он пришелся практически на очередное «уклонение» узбекского руководства от российской орбиты влияния в сторону примеривания на себя роли ведущего партнера США в регионе.

Однако позже во внешнеполитических предпочтениях Ташкента была зафиксирована «восходящая» тенденция, которая их «выровняла»; об этом, в частности, свидетельствует присоединение Узбекистана к Соглашению о зоне свободной торговли СНГ. Между тем консультации с американцами по региональной повестке дня не потеряли для Ташкента своей значимости.

25 июля 2013 года в МИД Узбекистана прошла встреча с командующим Центральным командованием Вооруженных сил США генералом Ллойдом Джеймсом Остином III. В ходе встречи были обсуждены вопросы двусторонних отношений. Как сообщили в пресс-службе внешнеполитического ведомства Узбекистана, «отдельное внимание стороны уделили международным и региональным проблемам и, прежде всего, развитию ситуации в Афганистане». В тот же день американский командующий был принят президентом И. Каримовым.

Тем не менее с выходом узбекско-американских отношений на новый уровень Ташкент продолжает держать руку на пульсе региональных процессов, так как вовсе не намерен отказываться от экономической интеграции на постсоветском пространстве, а также дистанцироваться от стратегических линий интереса китайской стороны, направленных в сторону восточноевропейских рынков. Этому во многом способствуют пристальное внимание китайского капитала к достаточно емкому внутреннему рынку Узбекистана и протяженная граница последнего с Казахстаном.

США настроены не только на включение Узбекистана в связанные (или не связанные) с Афганистаном стратегические проекты, но и на вовлечение в орбиту своей центральноазиатской политики Туркменистана. Вашингтон особо заинтересован в создании в ЦА лояльного

себе юго-западного фланга, задействовав который, США смогут добиться перевеса над другими внерегиональными игроками.

Можно заключить, что процессы выбора центральноазиатскими республиками предпочтений и новых конфигураций в отношениях как друг с другом, так и с внешними силами носят весьма динамичный характер. На нынешнем этапе в регионе формируется туркмено-узбекский альянс в сфере внешнеполитических интересов, отнюдь не имеющий антироссийской направленности.

Обе республики объединяет поиск оптимальных схем поддержания связей со всеми крупными внешними и региональными акторами. Наиболее прагматичным для местных властей представляется формат двусторонних отношений и заключение стратегических соглашений; с лета 2012 года именно этот «алгоритм» лег в основу внешней политики Узбекистана. Так, 4 июня 2012 года в ходе визита президента России В. Путина в Ташкент была подписана Декларация об углублении стратегического партнерства, а через год — узбекско-казахстанский договор с фактически идентичной смысловой нагрузкой.

Интересно отметить, что за условную точку отсчета практической реализации нового стратегического партнерства Узбекистана и России Ташкент взял не начало июня 2012 года, а середину апреля 2013-го. Неожиданный для многих визит И. Каримова в Россию подчеркнул особую обеспокоенность руководства Узбекистана развитием ситуации в соседнем Афганистане.

На встрече В. Путина и И. Каримова помимо всего прочего была достигнута договоренность об усилении взаимодействия спецслужб двух стран, которая, впрочем, не сильно афишировалась; однако узбекские эксперты сочли ее весьма важным достижением руководства республики.

Несмотря на то что Узбекистан вышел из ОДКБ и наладил тесный контакт с политическими центрами Запада, он не перестал нуждаться в тесном общении с соответствующими службами России. По оценкам местных экспертов, негативные последствия приостановления членства республики в ОДКБ ей удалось компенсировать заключением новых соглашений с Россией.

Согласно договору с РФ, в случае угрозы безопасности одной из сторон будет незамедлительно запущен механизм переговоров для нейтрализации вызовов вплоть до предоставления российским военнослужащим возможности дислоцироваться на территории РУз.

Последние годы можно наблюдать любопытную динамику и в развитии российско-туркменских отношений: на смену императивной «газовой оси» выстраивания связей пришло постепенное расширение рамок политического и экономического сотрудничества.

Нейтральный Туркменистан проявляет интерес к взаимодействию в рамках ШОС, но при этом не является членом ни этой организации, ни ОДКБ; подобная ситуация ограничивает возможности Республики присоединиться к процессам многосторонней региональной кооперации.

В случае углубления двустороннего сотрудничества прагматизм России по отношению к Туркменистану усилится. Не следует «зацикливаться» на газе, тем более что между двумя странами постепенно формируется взаимное притяжение, выражающееся в интересе Ашхабада к ШОС и в его внимании к мнению ОДКБ с целью преодоления потенциальных угроз ЦА с афганского направления, которые после 2014 года могут возрасти.